

С. М. БАРДИНА

**Всегда ли социолог — критик,
а критик — социолог?**

**Концептуализация исследовательской критики
в витгенштейнианской теории**

Критическая социология возникает как жест размежевания с традиционной теорией. В ее основании лежит отказ от классической аксиоматики, прежде всего от представления о социальном порядке как о данном, а также признание активной роли социолога по отношению к предмету исследования. Убеждение в непреложности существующего порядка определяло роль и функции классической теории. В этой модели социальная наука — часть сложившейся системы разделения труда; у социолога есть свое место в этой системе, и он не задается вопросом о собственной позиции. Так описывает эту ситуацию М. Хоркхаймер: «Традиционная теория могла принимать как данность множество вещей: свою позитивную роль в функционировании общества, общепризнанно странное и косвенное отношение к удовлетворению общих нужд, участие в процессе самообновления. Наука не задавалась вопросом обо всех этих неочевидных вещах <...> но они были проблематизированы в критической мысли»¹. В традиционной модели человек должен был принимать существующие условия как данные и стремиться следовать принятым требованиям. Критическая социология поставила под сомнение непреложность этих правил, предложив проект описания человека в ситуации социального конфликта. В результате через призму конфликта стала осмысляться позиция самого социального теоретика.

Тезис о критической функции социологии стал попыткой пересмотреть «абсолютизированную... контролируемую и идеологическую категорию»², которой была социальная теория.

---

¹ *Horkheimer M. Traditional and Critical Theory. Horkheimer M. Critical Theory: Selected Essays. New York: Continuum, 1972. P. 217.*

² *Ibid. P. 194.*

Однако по мере распространения критической установки стало складываться представление, что «социальная теория с неизбежностью является критической теорией»³. Критика перестает быть одной из альтернатив построения социальной теории и начинает выступать средством легитимации социальной науки в целом. Легитимность социологии стала основываться на представлении, что критическая установка — это то, что позволяет социологу заниматься «наиболее насущными для нас проблемами, проблемами, лежащими в основе коренных противоречий и конфликтов всего общества»⁴. В противном случае социология будет «скучной и бесполезной дисциплиной; изучающие ее, скорее, умрут от тоски, чем побегут на баррикады»⁵.

Если базовая амбиция критической теории была направлена против несомненности роли социолога в сложившейся системе общественных отношений, то в дальнейшем несомненной стала критическая направленность социологии в целом. В итоге критическая установка кажется для социолога безальтернативной; отказаться от нее практически невозможно — это означало бы возврат к догматическому, докритическому мышлению и бессмысленному воспроизводству данностей. Однако безусловное превосходство критической позиции и тот факт, что критика легитимирует деятельность социальных ученых, приводит к потере ее специфики: фигуры социолога и критика сливаются.

Последние годы отмечены появлением разнородных концепций, обосновывающих возможность построения некритической социологии. Б. Латур радикально утверждает необходимость преодоления критического разума; Л. Болтански и Л. Тевено указывают, что социология «должна отказаться (хотя бы на время) от критической позиции»; схожие идеи выдвигаются в теории искусства.

Постановка осмысленного вопроса о возможности некритической социологии требует в первую очередь прояснения аксиоматики критической теории в ситуации, когда ее постулаты больше не составляют альтернативу традиционной социальной науке. Иными словами, требуется работа по прояснению установок критической теории, коль скоро мы полагаем, что «критическое» в ней не пустое слово. Эта работа позволила бы отличить ее, с одной стороны, от форм мышления, которые являются социоло-

³ Giddens A. Profiles and Critiques in Social Theory, London: Macmillan, 1982. P. 15.

⁴ Гидденс Э. Социология, М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 130.

⁵ Там же. С. 130.

логией, но не являются критикой, а с другой — от тех, которые являются критикой, но не являются социологией.

В данном тексте мы продемонстрируем, что в посткритических проектах первая задача решается во многом за счет отказа от второй. Аксиоматика критической теории воспроизводится таким образом, что специфика социологической критики теряется, и социолог оказывается неотличим от участника заурядного столкновения. Также мы предпримем попытку специфицировать социологическую критику и показать ее отличие от *обыденной* критической деятельности, обратившись к ресурсам витгенштейнианской социологии. Это позволит прояснить установки критической социологии и если не разрушить, то хотя бы подвергнуть сомнению незыблемость формулы «социолог = критик».

Критика критики: критическая социология как метод спора

Атака на критическую социологию направлена, прежде всего, на ее легитимирующую функцию. Поскольку легитимность критической теории основана на утверждении способности — благодаря критической рефлексии — получать уникальный доступ к сущностным противоречиям социального порядка, критика критики строится таким образом, чтобы поставить под сомнение возможность этого привилегированного доступа к «подлинным проблемам».

Латур для решения этой задачи представляет работу критической мысли в виде простой двухходовой операции. На первом этапе, согласно его модели, любое критическое исследование сводится к антифетишизму. Подвергаемые критике суждения разоблачаются в качестве иллюзий: те, кто придерживаются некоторой позиции, объявляются наивными верующими, а их восприятие объектов — проекцией собственных желаний на нейтральный материальный объект, который фетишизируется. Критик — единственный, кто сохраняет незамутненность сознания и бдительность, — демонстрирует, что в действительности объекты являются пустыми экранами, смысл которым придают сами верующие.

На втором этапе логика критического рассуждения принципиально меняется. <...> Иными словами, критик показывает, что фетишизация объектов «верующими» — не первопричина их заблуждений. В основании иллюзии лежат некоторые объективные закономерности, например, механизмы социального господства, класс или гендер. Критик не просто показывает ложность убеждений, но демонстрирует «причину работы — ма-

нипулятора, обманщика, афериста за сценой»⁶, существование которого воспринимается как непреложный факт. Этот ход Латура называет «позицией факта»: реальность действия классовых механизмов не подвергается сомнению, они рассматриваются как факты (в противоположность фетишам).

Эффективность конструкции критического мышления, с позиции Латура, основывается на том, что эти два хода делаются последовательно. Объективные силы и закономерности, к которым отсылает критик на втором этапе, вполне можно было бы разоблачить в качестве иллюзии. Однако сила критической позиции состоит именно в ее двойственности: разоблачитель и скептик на первом этапе, на втором критик превращается в «нераскаявшегося позитивиста» в отношении всех дисциплин, в которые верит.

Предложенная схема демонстрирует произвольность действий критика и самопротиворечивость его позиции: операции, производимые им на разных этапах критики, следуют взаимоисключающим установкам. Эта модель позволяет прояснить отдельные аксиомы критики, но не помогает ответить на вопрос об особенностях критической социологии, или социологической критики.

Та произвольность, с которой критик становится антифетишистом в отношении одного объекта и фетишистом в отношении другого, делает критику универсальным занятием, доступным любому, кто освоил схему «фетиш versus факт». Критика в модели Латура оказывается не столько типом исследовательской позиции, сколько стратегией аргументации, позволяющей унижить любого оппонента, если только он не владеет той же техникой. Соответственно критика в концепции Латура практически отождествляется с одним из методов ведения спора. При всей привлекательности подобного решения оно не дает ответ на вопрос, «в чем истинный смысл “критического” в критической социальной теории»⁷. Если критика — это техника спора, то критический социолог ничем не отличается от обыденного участника конфликта, для которого в роли факта будет выступать не объяснительная научная модель, а здравый смысл, идеология, религия, практика или что угодно другое.

В еще более явном виде критическое исследование отождествляется с действиями спорящего в концепции Болтански

⁶ *Latour B. (2002) What is Iconoclasm? or Is There a World Beyond the Image Wars? B. Latour and P. Weiber (eds.) Iconoclasm: Beyond the Image Wars in Science, Religion and Art, Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. P. 25.*

⁷ *Pleasant N. (2000) Winch, Wittgenstein and the Idea of a Critical Social Theory. History of the Human Sciences, 13 (78), 2000. P. 85.*

и Тевено. Для них базовым концептом, проясняющим сущность критики, является представление о «критическом моменте». Под этим подразумевается ситуация, когда «люди, вовлеченные в повседневные отношения, “делающие что-то вместе”, скажем, в политике, на работе, в профсоюзной организации, и вынужденные координировать свои действия, понимают: что-то не так, и они не могут больше ладить друг с другом, нужно что-то менять»⁸. Ситуация, в которой возникает критика, является, по сути, сценой спора.

Почему, согласно этой модели, социология должна отказаться от понимаемой таким образом критической позиции? Проблема критической социологии, исходя из логики Болтански и Тевено, заключается в том, что она не может объяснить собственно критические действия акторов; сама критическая деятельность оказывается слепым пятном, лакуной в объяснительных возможностях социальной теории. По сути, основной их аргумент состоит в том, что социолог, стоящий на критических позициях по отношению к изучаемой им социальной реальности, не сможет в полной мере осознать критический настрой самих социальных акторов. Тем самым критическая позиция социолога и участника конфликта опять же сближаются.

Низведение социологической критики до критической деятельности обыденных акторов может быть аргументом против претензий критической социологии на монополию объяснения социального мира, причем не только потому, что она не предоставляет возможности для неангажированного описания обыденных конфликтов. В модели Болтански и Тевено социологи-критики занимаются выявлением рациональных интересов, стоящих за якобы непредвзятыми действиями акторов; однако точно так же поступают другие агенты взаимодействия. Но социологи легитимируют свою деятельность, ссылаясь на «внеположенность науки по отношению к социальному миру <...> уклоняясь от необходимости обоснования справедливости своих суждений»⁹. Утверждение, что работа социолога — одна из форм критической активности, которая должна быть рассмотрена наряду с другими, проблематизирует это различие. Социолог предстает как участник спора, не обладающий никакими преимуществами по сравнению с другими агентами социального взаимодействия, и его претензия

---

⁸ Болтански Л., Тевено Л. (2000) Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 3 (3). 2000. С. 66.

⁹ Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов. М.: Новое литературное обозрение, 2013. С. 36–37.

на экспликацию сущностных социальных проблем, «коренных противоречий» общества, выглядит неправомерной.

Таким образом, в основании антикритических теоретических ходов лежит попытка концептуализировать критическую деятельность в качестве способа ведения спора. Тем самым критик оказывается рядовым участником конфликта, и его претензия на особую роль в споре, связанную, например, с наличием у него специфически научного инструментария, кажется нелегитимной. Однако в этом описании теряется специфика социологической критики. Критический социолог выглядит просто социологом, который иногда не совсем честным образом вступает в пререкания с оппонентами.

Поэтому перед нами встает задача уточнения типов критики, в рамках которого можно было бы говорить о сущностной специфике критического подхода. Такие попытки, безусловно, делаются — чаще всего они связаны с задачей построения классификации различных типов критики и создания единого упорядоченного каталога, в котором каждая модель нашла бы свое место. Например, согласно Дж. Деланти, в гуманитарных науках используются как минимум пять несводимых друг к другу представлений о критике. Однако задача создания всеохватной классификации не кажется продуктивной: вычленение типов, подтипов и более мелких разновидностей критики не сделает более понятной специфику социологической критики как целостного проекта. Таким образом, наша задача — предложить модель, в рамках которой критическая позиция исследователя и, в частности, социолога, могла бы быть концептуализирована таким образом, чтобы ее можно было четко разграничить с позицией участника конфликта.

Витгенштейн: два типа критического суждения

Отправной точкой для дальнейших рассуждений будет представление о критике, которое можно найти в витгенштейнианской теории; впоследствии оно было в той или иной форме воспринято в концепции П. Уинча и использовано для исследования эпистемологических возможностей социальной науки.

Критика в рамках витгенштейнианской модели — осмысленная деятельность и существенная, значимая для функционирования сообщества практика. В этой концепции в качестве осмысленных действий понимаются такие, которые выполняются в соответствии с некоторыми правилами; при этом следование правилу невозможно в качестве разового акта отдельного человека — социальные

действия получают смысл «из контекста человеческой социальной деятельности, к которой они применяются»¹⁰. Общее согласие, способное придавать осмысленность человеческим действиям, реализуется благодаря тому, что люди принадлежат к той или иной форме жизни, или способу жизни, который разделяется некоторой группой людей и определяет их действия.

На первый взгляд может показаться, что идея «общего согласия» исключает возможность критики. Тем не менее, рассуждения Витгенштейна об ошибочных действиях показывают, что критическая деятельность возможна без нарушения согласованности системы практик.

Согласно Витгенштейну, практики совершения, выявления и коррекции ошибок непосредственно встроены в деятельность.

«Что такое “выучить некое правило?” — *Вот что*. Что значит “сделать ошибку в его применении?” — *Вот что*. И то, на что здесь указывают, представляет собой нечто неопределенное. Упражнение в использовании правила показывает также, в чем состоит та или иная ошибка в его применении. Убедившись [в отсутствии ошибок], человек говорит: да, расчет правилен»¹¹. Совершение и исправление ошибок — осмысленная деятельность, которая осуществляется в соответствии с определенными правилами; существуют закономерности, согласно которым действие совершается *как ошибка* («Вот что»), опознается как ошибка и исправляется как ошибка. Неправильные действия, равно как и их исправление, — практика, точно такая же, как и любая другая, и точно так же требующая правил и согласованности в их исполнении: «всякое подтверждение и опровержение некоего предположения происходит уже внутри некоторой системы»¹². Общая согласованность критики с формами жизни ограничивает ее и определяет формы, в которых она может функционировать, но не отрицает критические практики полностью.

Однако существуют некоторые формы критической активности, которые, следуя логике витгенштейнианской модели, нельзя признать примером осмысленной деятельности. Одним из видов такой критики является оспаривание того факта, что действие в рамках устоявшейся практики в принципе совершается по правилам:

---

¹⁰ Уинч П. Идея социальной науки и ее отношение к философии. М.: Русское феноменологическое общество, 1996. С. 42.

¹¹ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. М.: АСТ: Астрель, 2010. С. 28.

¹² Там же. С. 105.

«Не возникает спора о том, действовали [математики] согласно правилу или же нет. Дело, например, не доходит до насильственных действий. Это принадлежит строительным лесам, на которых действует наш язык (например, дает описание)»¹³. Можно подвергать сомнению правильность вычисления, но каждый из таких споров в конечном счете находит разрешение. Таким образом, отдельное математическое предложение может стать предметом критики, но математическая достоверность как набор правил (в частности, правило проверки правильности подсчета) при этом не подвергается сомнению. Способность следовать при выполнении математических операций правилам — это то, что Витгенштейн называет «строительными лесами», на которых покоится деятельность.

Другим примером ситуации, в которой критическое суждение неправомерно, является дискуссия о достоверности чувственных данных. Вот как оценивается в концепции Витгенштейна суждение об ошибочности определения ощущения: сомнение в идентификации ощущения боли: «а заяви он, к примеру: “О, я знаю, что означает ‘боль’, но не знаю, является ли болью то, что я чувствую сейчас”, мы бы просто покачали головой и вынуждены были считать его слова очень странной реакцией. <...> Подобное выражение сомнения не присуще данной языковой игре»¹⁴. Последняя ремарка очень важна. Можно было бы предположить, что критиковать данные о внутреннем переживании невозможно в силу их безусловности, но это не так. Объявлять такие суждения ошибочными нельзя потому, что не существует практики выражения сомнения в правильности подобного рода высказываний или их исправления.

И наконец, еще один пример, в котором разоблачительная критика объявляется невозможной, — это деятельность по объяснению обычаев. В «Заметках о “Золотой ветви” Дж. Фрэзера» Витгенштейн анализирует тип суждения, который применяется Фрэзером для объяснения религиозных обрядов другого народа. «Фрэзеровское изображение магических и религиозных воззрений неудовлетворительно: он представляет эти воззрения как заблуждения»¹⁵, — заявляет Витгенштейн, указывая, что иссле-

¹³ Витгенштейн Л. Заметки по основаниям математики // Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. II. М.: Гнозис, 1994. С. 55.

¹⁴ Витгенштейн Л. Философские исследования. М.: АСТ: Астрель, 2011. С. 288.

¹⁵ Витгенштейн Л. Заметки о «Золотой ветви» Дж. Фрэзера // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1989. С. 251.

дователь ищет «источник заблуждения», чтобы поставить на его место истину. Фрэзер делает вывод, что магические практики и ритуалы — следствие ошибочного взгляда на природу вещей, и такое рассуждение представляется Витгенштейну «бессмысленным», поскольку магические действия нельзя истолковывать, как «действия, вытекающие из ложного или упрощенного представления о вещах и процессах»¹⁶. Напротив, магические ритуалы обретают смысл в силу существования системы сопутствующих им практик.

Что объединяет столь разные примеры? Проблематизацию следования правилу среди математиков, спор о достоверности чувственных данных и разоблачение суеверий, лежащих в основании обрядов? Как уже было сказано, возможность таких споров не допускается существующими языковыми играми, подобного рода сомнения и критика просто невыразимы средствами этих игр. Однако почему, если практики критики, споров и исправлений вполне легитимны, некоторые типы суждений оказываются недопустимы в существующих языковых играх? Это становится ясно благодаря введению различия между самой языковой игрой и «грамматическими правилами» ее функционирования.

Для Витгенштейна предметом осмысленной проблематизации и критики не может быть то, что лежит в основании практики. Такие положения не являются частью языковой игры, но принадлежат ее грамматике. Именно в этом смысле Витгенштейн называет согласие математиков по поводу того, что их деятельность осуществляется согласно некоторым правилам, «строительными лесами». Эти утверждения «сами суть выражения правил языка, для которых не существует контраста, антитезы. Поэтому они ничего не утверждают и не описывают»¹⁷. Соответственно грамматические положения являются абсолютно достоверными, и потому не могут быть предметом осмысленного критического рассмотрения или спора. Достоверность таких суждений обосновывается не их эмпирической подтверждаемостью, а именно тем, что они лежат в основе нашей формы жизни, усвоены вместе с ней и позволяют функционировать принятым в ней языковым играм. Недостоверные суждения обосновывают другие высказывания, а, напротив, тот факт, что эти суждения воспринимаются как лежащие в основании множества практик и высказываний, придает им достоверность. «Незыблемое является таковым

¹⁶ Там же. С. 253.

¹⁷ Сокулер З. А. Людвиг Витгенштейн и его место в философии XX века: Курс лекций. Долгопрудный: Алегро-Пресс, 1994. С. 141.

не потому, что оно очевидно или ясно само по себе, но поскольку надежно поддерживается тем, что его окружает»¹⁸. Причем это рассуждение будет верно не только в отношении своего, но и чужого сообщества: бессмысленно разоблачать суеверия, лежащие в основе ритуалов туземцев, поскольку само существование и поддержание ритуалов придает этим суевериям абсолютную достоверность.

Итак, Витгенштейн четко разводит предложения, принадлежащие языковой игре, и грамматические предложения. Он показывает, что грамматические предложения поддерживаются системой практик, которая покоится на них, и может функционировать при условии того, что эти основания являются для участников практики несомненными. Сама несомненность, достоверность этих предложений обусловлена тем, что мы «*принимаем [их] за безусловно надежное, следуя которому мы с полной уверенностью и без сомнения действуем*»¹⁹.

Соответственно в рамках витгенштейнианской модели можно выделить два типа критического суждения: суждение, которое проблематизирует грамматические предложения, лежащие в основе формы жизни и поддерживаемые системой практик, и суждение, производимое, например, в ситуации спора по определенным правилам. Для Витгенштейна только второй из типов суждения правомерен. Критическая деятельность в рамках спора, какой бы изощренной она ни была, легитимна; тогда как действия антрополога или философа математики в данной модели бессмысленны, потому что в них проблематизируется то, что по самой своей сути не может быть проблематизировано. <...>

Специфика социологической критики

Приверженность социологии такому типу критического суждения неслучайна. Она связана с фундаментальным противоречием, лежащим в основании социальной науки: считается, что социальное исследование должно объяснять то, что нам непонятно, но большая часть социальной жизни не представляет ни для кого проблемы. В этом смысле роль критика, подмечающего проблемы в обыденных действиях акторов, оказывается одним из решений этой проблемы.

¹⁸ Витгенштейн Л. О достоверности // Витгенштейн Л. Культура и ценность. О достоверности. С. 144.

¹⁹ Там же. С. 196.

Чтобы объяснять социальную реальность, социологу требуется сначала разоблачить повседневную деятельность, сделать ее неочевидной, требующей исследования и прояснения. Так он реализует требование, что «исследователю необходимо выхватить некоторые фрагменты общественной жизни и занять позицию наблюдателя, которая для рядового члена общества не является естественной. Кроме того, надо создать проблему там, где ее <...> не видят другие»²⁰. Другими словами, особенность деятельности социолога — в «исследовании известного, как если бы это был чужеродный объект исследования, вопрошании о том, о чем никто раньше не спрашивал»²¹.

Поэтому «социологи пытаются создать проблемы, предлагая странные способы увидеть знакомые нам вещи так, как будто бы они нам непонятны»²². Социологические проблемы не принадлежат самой социальной реальности, но являются, скорее, артефактами теорий, которыми оперирует социолог, который, например, смотрит на мировую историю через оптику марксизма или структурализма, представляя события манифестацией той или иной идеи. В социологии проблемой (требующей исследования) становится то, что не является таковой для самих участников социального взаимодействия.

Таким образом, социолог отличается от антрополога тем, что ему требуется сделать дополнительный шаг, произвести «экстернализацию», посмотреть на ситуацию «извне», а дальше применить из достигнутой привилегированной позиции те же объяснительные механизмы (например, методы эмпирической науки). При этом социолог не просто, как это предполагает модель Латура, выбирает то, что будет объявлено фетишем или фактом, или, как это выглядит в концепции Болтански и Тевено, критикует один мир с позиции другого. Критический социолог разоблачает, объявляет иллюзорным то, что *лежит в основании практик того сообщества, которому он принадлежит*. В некотором смысле оказывается, что ресурсом критики выступает не столько обладание научным инструментарием (объяснительными схемами, которые задействуются в эмпирическом социологическом исследовании), а способность в роли исследователя

²⁰ Волков В. В. «Метод» Людвига Витгенштейна // Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2008. С. 58.

²¹ Marotta V. Georg Simmel, the Stranger and the Sociology of Knowledge // Journal of Intercultural Studies. 33 (6)/ 2012. P. 684.

²² Hutchinson P., Read R., Sharrock W. There is No Such Thing as a Social Science: In Defence of Peter Winch. Aldershot, Burlington: Ashgate, 2008. P. 36.

подвергать критическому рассмотрению собственную позицию в качестве участника практики.

Если сравнить эту модель с определением М. Хоркхаймера, к которому мы обращались в начале, то мы увидим существенную разницу. Классическое понимание критической теории предполагало, что одной из ее основных характеристик является проблематизация позиции самого исследователя. Предложенная модель, напротив, подчеркивает несовпадение этих ролей: социолог подвергает критике то, что лежит в основании его практик, но не практик критического теоретизирования, а его обыденных действий. Таким образом, обращение к витгенштейнианской идее грамматических предложений позволяет определить позицию критического социолога через ее двойственность, а также конкретизировать амбивалентность этой позиции, связанную с тем, что в качестве теоретика социолог должен подвергать критике именно то, что лежит в основе той формы жизни, которой принадлежит он сам.

Витгенштейнианская модель не просто позволяет специфицировать социологическую критику, но также демонстрирует неочевидность этой позиции. Осмысленные суждения получают свой смысл в социальном контексте и встроены в систему практик. Действия социолога-критика в этой перспективе лишены смысла (в отличие от действий участника практики, критикующего и корректирующего ее), поскольку они не принадлежат сообществу, на которое направлены, а проблематизируют его основания, грамматические правила. Применение этой логики к социальной науке позволяет Уинчу объявить неправомерной наиболее распространенную модель социальной теории, в основе которой лежит критическая позиция исследователя.

На данном этапе не проясненным остается вопрос, обязательно ли социолог должен быть критиком и разоблачителем. Иными словами, можно ли быть социологом, не проблематизируя непоблематичные практики собственного сообщества? Вариант ответа на этот вопрос предлагают П. Хатчинсон и соавторы, которые пытаются в книге «Нет такой вещи как социальная наука: в защиту Питера Уинча» развить идеи Уинча в условиях современного состояния социологии. Они утверждают, что в сегодняшней ситуации, когда на смену господству позитивистской методологии пришел целый «рынок методологий и теорий», у социологии есть два пути. Большая часть исследований проводится в форме социальной науки (socialscience), которая понимается по образцу естественной. В таких исследованиях научность понимается как обоснование теории в сфере социальных наук.

Из-за приверженности социологов стандартам, принятым в естественных науках, концептуальные вопросы остаются в таких исследованиях за рамками рассмотрения.

Другой путь — это социальные исследования (social studies), не претендующие на научность. Подобные исследования должны следовать постулату «дескриптивного, а не метафизического описания»²³, они не должны привносить в описываемую социальную реальность внешних сущностей. Очевидно, проект таких исследований столкнется с множеством проблем, в частности, с тем, что отказ от использования научных методов, внешних изучаемой практике, закономерно приведет к отсутствию четких методов в этой дисциплине. Однако сама идея социальных исследований, которые не были бы социальной наукой, позволяет нам осознать границу между критическим и некритическим социальным исследованием.

Заключение

Мы предприняли попытку прояснить установки критической социальной теории и продемонстрировать, что социологическая критика — это особый проект, который принципиально отличен от деятельности участников обыденных столкновений. Для решения этой задачи мы эвристически использовали витгенштейнианское различие между двумя типами критического суждения, выполняемого по правилам языковой игры, и суждения, которое проблематизирует грамматические предложения этой игры. Исследовательская критика производит суждения второго типа, поскольку в ней проблематизируются положения, которые поддерживаются системой повседневных практик.

Обращение к этой модели также позволило продемонстрировать противоречивость позиции критического социолога. Она продиктована тем, что критические высказывания не могут быть восприняты как осмысленная деятельность в рамках какого бы то ни было сообщества. Также мы показали, что эта проблема возникает в социологии не случайно. Она вызвана необходимостью объяснить

феномены социальной жизни, которые не требуют объяснения для самих участников социальных событий, и требованием видеть знакомые нам вещи так, как будто бы они нам непонятны.

---

²³ *Pleasant N. Winch and Wittgenstein on Understanding Ourselves Critically: Descriptive not Metaphysical. Inquiry. An Interdisciplinary Journal of Philosophy. 43 (3). 2000. P. 304.*